
АЛИСИЯ ГУДЕРМАН
АКАДЕМИЯ ЧУЖОЙ МАГИИ
КНИГА 2: ТА, КОГО НИКТО НЕ ЖДАЛ

Алисия Гудерман

Академия чужой магии. Та, кого никто не ждал

https://litres.ru/74709554
SelfPub; 2026

Аннотация

Соня не собиралась никуда пропадать — просто пошла в лес под Выборгом и упала в другой мир. Теперь у неё дар размыкать связи, серебряная линия на ладони и академия, где её боятся. Рядом — Марк Мэтри, сын главы совета: холодный, язвительный и уверенный, что она — проблема. Но двери старого крыла не отражаются в зеркалах, совет прячет дневник хранителя, а седьмая дверь давно знает её имя. Чтобы вернуться домой, Соне придётся не размыкать, а слушать. А ещё — чувства, которых никто не ждал, и выбор.

Алисия Гудерман
Академия чужой магии.
Та, кого никто не ждал

Алисия Гудерман

АКАДЕМИЯ ЧУЖОЙ МАГИИ
Книга 2 : *Та, кого никто не ждал*

Глава 1. Небо с двумя лунами

Соня не собиралась никуда пропадать.

Это важно уточнить сразу, потому что потом, когда всё завертелось, нашлись бы люди — а точнее, не совсем люди, — готовые утверждать обратное. Что она сама виновата. Что она что-то там открыла, разбудила, нарушила и вообще вела себя как типичная героиня дурного романа: полезла, куда не просили, и получила полный комплект неприятностей. Так вот — нет. В то утро у Сони были планы простые, земные и совершенно негероические: сварить кофе на костре, съесть бутерброд, который Настя наверняка приготовила с избытком горчицы, и к вечеру вернуться в Питер, пахнущей дымом и хвоей, с полным рюкзаком пустых банок и чистой совестью.

Они выехали из Питера рано утром — трое друзей, две палатки и один общий костёр, который всегда разжигали слишком близко к палаткам, хотя каждый раз клялись, что «вот сейчас-то точно отойдём подальше». Лес под Выборгом уже начал желтеть. Не той нарядной, открыточной желтизной, которой хвастаются календари, а тихо и по-настоящему: берёзы у дороги стояли прореженные, осины дрожали на ветру последними листьями, а под ногами шуршала первая опавшая листва, перемешанная с хвоей. Пахло мокрой хвоей, холодной землёй и тем особенным запахом, который бывает только в лесу после дождя, — запахом грибов, прелых листьев и свободы, у которой, правда, срок годности всего одни выходные.

Дима всю дорогу спорил с Настей, чей рюкзак тяжелее. Это был их вечный спор, почти традиция, почти ритуал: Дима утверждал, что Настя берёт с собой половину квартиры, включая фен, который в лесу негде включить, а Настя отвечала, что Дима берёт три банки тушёнки «про запас», хотя запас этот заканчивается обычно ещё до первой стоянки. Соня в спор не встревала. Она давно поняла: в любом походе должен быть один человек, который не спорит, а просто идёт и несёт котелок. Этим человеком почему-то всегда оказывалась она.

К полудню они разбили стоянку на небольшой поляне, где ельник расступался, образуя что-то вроде неровного круга, а посередине чернело старое кострище — кто-то уже стоял

здесь до них, и Соня машинально отметила, что место хорошее: сухо, от ветра закрыто, до воды, судя по карте в телефоне, метров триста. Телефон, впрочем, уже тогда показывал одну палочку связи и делал вид, что это прилично.

— Если мы здесь промокнем, я тебя прибью, — сказала Настя, глядя на небо.

— Мы не промокнем, — ответил Дима с уверенностью человека, который прогноз погоды не смотрел, но очень в себя верил. — Я чувствую.

— Ты вчера чувствовал, что автобус не опоздает, — напомнила Соня. — Мы ждали сорок минут.

— Это был другой уровень предчувствий.

Соня только хмыкнула и пошла за хворостом, потому что у костра снова закончились сухие ветки. Это тоже была традиция: сухие ветки всегда заканчивались именно тогда, когда чай уже почти закипал, а все уже расселись и никому не хотелось вставать. Соня вставала. Не из героизма — из практичности: сидеть и ждать, пока кто-то другой сообразит, она не умела.

— Соня, только не уходи далеко! — крикнула Настя ей вслед. — А то опять потеряешься и будешь орать, что мы тебя бросили!

— Я не теряюсь, я исследую! — отозвалась Соня, подбирая первую попавшуюся ветку и критически её оглядывая. — И я не орала. Я звала. Громко и с достоинством.

— Достоинство было слышно за километр! — крикнул

Дима.

— Вот и радуйтесь, что у вас такой слышный друг!

Она шагнула между двух ёлок — старых, с низко опущенными ветками, пахнущих смолой и сыростью, — и пошла чуть в сторону от поляны, туда, где накануне заметила целое скопление валежника. Лес вокруг стоял тихий. Не мёртвый — в мёртвом лесу не бывает такой тишины, — а настороженный: где-то далеко стучал дятел, потом смолк, словно и он прислушивался. Соне это не понравилось, хотя она и не смогла бы объяснить, что именно. Просто в какой-то момент она поняла, что не слышит больше ни Диму, ни Настю, хотя ушла от стоянки минут на пять, не больше, и костёр должен был быть совсем рядом — крикни, и долетит.

Соня пошла медленнее, огибая корни и прислушиваясь к собственным шагам. Ей было двадцать три, она работала, платила за квартиру, умела менять прокладку в кране и договариваться с сантехником по телефону так, что сантехник приезжал в тот же день, — словом, считала себя взрослым, состоявшимся человеком, которого трудно чем-то напугать. Но лес в тот день пугал её именно своей обычностью. Всё было как всегда: те же ёлки, тот же мох, тот же дятел где-то в вышине. Только звуки, поняла она вдруг, шли не оттуда, откуда должны. Дятел стучал — но эхо возвращалось с задержкой, будто лес был больше, чем выглядел. Капли падали с веток — но, подняв голову, Соня не увидела мокрых веток. А потом она заметила, что её собственная тень — полдень,

солнце почти в зените, тени быть почти не должно — лежит перед ней длинная, вечерняя, и тянется не к стоянке, а от неё. В глубь леса. Туда, где между корней лежала та самая толстая сухая ветка.

— Так, — сказала Соня вслух, потому что собственный голос в тишине — уже компания. — Я просто устала. Я просто мало спала. Мы встали в пять утра, и я сейчас найду эту чёртову ветку, вернусь и выпью чаю.

Она остановилась. Повертела в руках ветку.

— Настя? — позвала она. Не громко. Просто проверить.

Лес не ответил.

— Очень смешно, — сказала Соня в пространство. — Дима, если это ты решил подкрасться и заорать, учти: у меня в руке палка, и я нервная.

Тишина. Только капли где-то капали с веток, хотя дождь кончился ещё утром.

Соня сделала шаг назад, к стоянке — и тут заметила впереди, между корней старой ели, ещё одну ветку, толстую, сухую, как раз такую, какие дольше всего горят и не дымят. Она наклонилась за ней, протянула руку…

И почувствовала, как земля под правой ногой провалилась.

Не мягко, как в болоте, когда нога уходит в жижу постепенно и успеваешь подумать «ну вот, опять». Резко. Будто кто-то выдернул кусок почвы прямо из-под подошвы — одним движением, как фокусник дёргает скатерть, только ска-

тертью в этот раз оказалась сама земля, а посудой — Соня.

Она вскрикнула, выронила ветку и упала вперёд. Вместо земли под ладонями оказался холодный воздух — пустота, из которой тянуло странным, неправильным холодом: не зимним, не погребным, а каким-то… глубоким. Как будто внизу, под тонким слоем леса, не было ничего, кроме расстояния. Соня успела увидеть — и это «успела» потом долго не давало ей покоя, потому что невозможно увидеть такое и остаться прежним человеком, — как трещина в воздухе рваными краями захлопнулась за её спиной. Именно в воздухе. Не в земле. Трещина висела на уровне её роста, края её светились тускло, как светится трещина в льду против солнца, и она смыкалась, сшивая лес обратно в единое целое, — без неё.

Мир перевернулся.

Падение было недолгим и очень обидным. Соня не летела красиво, как в кино, — она кувыркнулась, попыталась ухватиться за что-нибудь, ничего не нашла, ударилась о твёрдое плечом, потом боком, перекатилась и замерла, прижавшись щекой к холодному камню и тяжело дыша. Где-то в рюкзаке — нет, рюкзак остался у костра. Всё осталось у костра: рюкзак, телефон, палатка, друзья, город, планета. У Сони остались только она сама, её куртка, дурацкая ветка, которую она, оказывается, так и не выпустила из левой руки, и адреналин, который стучал в висках так, что заглушал мысли.

Она лежала и считала вдохи. Один. Два. Если дышится —

уже неплохо. Три. Руки-ноги двигаются. Четыре.

Над ней было тёмное небо.

Две луны.

Одна яркая, крупная, с неровным краем и тёмными пятнами морей — почти как дома, только неправильного, чуть зеленоватого оттенка. Вторая — бледная, почти призрачная, меньше первой раза в три, и висела она не там, где положено спутнику, а откровенно сбоку, как будто её приклеили к небу в последний момент и забыли подровнять.

Соня посмотрела на них. Потом закрыла глаза. Открыла. Луны не исчезли. Вторая даже, кажется, стала чуть ярче, словно ей польстило внимание.

— Охуеть, — тихо сказала Соня себе. — Это что, новый уровень похода?

Где-то рядом кто-то коротко рассмеялся.

Соня резко села — и тут же пожалела об этом, потому что плечо отозвалось глухой болью, а мир на секунду поплыл. Но сидеть было необходимо, потому что валяться на спине и разговаривать с невидимыми смеющимися голосами она не собиралась. Мало ли кто там смеётся.

На краю низкой каменной крыши, свесив ноги и болтая одним ботинком в воздухе, сидел парень. Тёмные волосы, чуть длиннее, чем нужно, падали на лоб, и он время от времени сдувал их с глаз — машинально, как делают люди, которым давно пора подстричься, но они упорно делают вид, что так задумано. Одежда на нём была тёмная, не формен-

ная, но и не случайная; у пояса — ничего похожего на оружие, что Соня отметила с облегчением, и что-то вроде тонкого металлического браслета на запястье, что она отметила без всякого облегчения, потому что в эту ночь всё непонятное автоматически записывалось в угрозы. Он смотрел на неё сверху вниз с таким выражением, будто только что увидел особенно неудачную шутку и теперь решал, смеяться ему второй раз или всё-таки пожалеть исполнителя.

— Ещё одна, — сказал он лениво. — Только этого нам не хватало. Ты хоть живая или уже можно не напрягаться?

Соня моргнула.

— Ты кто вообще?

— Тот, кто сейчас смотрит, как ты валяешься посреди двора академии и портишь мне вечер. Марк. А ты, судя по всему, очередная попаданка. Поздравляю. Здесь за это обычно либо сажают под замок, либо отправляют обратно. Если повезёт.

Он спрыгнул с крыши легко, как человек, который проделывал это двести раз и давно перестал считать прыжок событием, и подошёл ближе. Соня успела заметить, что двор вокруг — огромный, вымощенный тёмным камнем, с арками по периметру и башнями, уходящими в небо с двумя лунами. В окнах башен горел свет — не электрический, а тёплый, дрожащий, как от свечей, только слишком ровный для свечей. Где-то далеко пробили часы. Или не часы — звук был глухой, металлический и совершенно не похожий на всё, что

Соня слышала раньше.

— Академия? — переспросила она, потому что мозг, как верный секретарь, цеплялся за знакомые слова и отказывался обрабатывать остальные. — Какая ещё академия? Я была в лесу. Под Выборгом. У нас костёр. Друзья ждут. Я за хворостом отошла на пять минут.

Марк хмыкнул.

— Красивая история. Только лес твой остался по ту сторону. А здесь — Императорская академия. И если ты сейчас не встанешь и не уйдёшь со мной, через минуту сюда сбежится половина дежурных, и тогда уже мой отец будет решать, что с тобой делать. А он не любит сюрпризы. Особенно такие шумные. И пойми главное: попаданка здесь — не гостья. Это угроза, расследование и неделя хлопот для всех, кто окажется рядом. А ты только что оказалась рядом со мной.

— Твой отец?

— Глава совета. Так что да, лучше иди за мной. Пока он не узнал, что его сын снова влез куда не надо. Хотя, честно говоря, мне уже всё равно. Просто не хочется слушать его лекцию в три часа ночи.

Соня поднялась. Получилось не с первой попытки: ноги дрожали, камень под подошвами казался слишком гладким, слишком настоящим, а ещё она вдруг обнаружила, что всё ещё сжимает в руке проклятую ветку. Она посмотрела на ветку. Ветка была из её леса. Из её мира. Сухая, с облупившейся корой и следами муравьиной дорожки. Соня стиснула

её крепче — и не стала бросать. Если уж тащить с собой в другой мир сувенир, то пусть это будет хотя бы не магнитик.

— А если я не пойду? — спросила она. Просто чтобы услышать ответ. Просто потому, что соглашаться молча и сразу — не в её характере, особенно когда предлагают это таким тоном.

Марк посмотрел на неё с лёгкой усмешкой.

— Тогда останешься здесь и будешь объяснять патрулю, почему ты упала с неба. Они, кстати, очень любят такие истории. Особенно когда рассказчик ещё и в грязи. Идём уже.

Он развернулся и пошёл, не проверяя, идёт ли она за ним. Соня выругалась — тихо, вполголоса, одним из тех слов, которые её мама до сих пор считает несуществующими, — и пошла следом.

Идти пришлось быстро. Марк двигался по двору так, словно у него в голове была карта, а у Сони в голове был только сплошной вопросительный знак, и она спотыкалась о каждую вторую плиту. Двор вблизи оказался ещё больше, чем с земли: арки уходили вверх ярусами, между ними темнели галереи, а за одной из решётчатых дверей что-то шевельнулось — крупное, медленное — и Соня благоразумно решила не вглядываться. Воздух здесь пах не лесом, а камнем, пылью и чем-то сладковатым, как пахнет в старых церквях или в библиотеках, где книги старше всех живых.

— Это что, всё одна академия? — спросила она, запыхавшись. — Она размером с район.

— С город, — поправил Марк. — Ты видишь только внутренний двор южного корпуса. Не впечатляйся раньше времени, впереди ещё главный зал, библиотека и старое крыло. Последнее, правда, лучше не видеть.

— А что в старом крыле?

— Старость, — сказал Марк. — Идём быстрее.

Она посмотрела вверх, на две луны, и поняла, что не может не смотреть: взгляд сам возвращался к небу, как язык возвращается к больному зубу.

— А луны? — спросила она. — Их правда две? Или у меня просто двоится от удара?

— Правда две. Имён у них нет. Были когда-то, говорят, но так давно, что даже летописи путаются. У нас из-за них даже календарь другой. Привыкнешь.

— Привыкну? — Соня едва не остановилась. — Я не собираюсь привыкать. Я собираюсь домой.

— Все так говорят в первую ночь, — сказал Марк без всякой злобы, почти равнодушно, и от этого равнодушия ей стало холоднее, чем от его насмешек. — Особенно громко это говорят те, кто остаётся.

Она хотела спросить, многие ли оставались до неё, и сколько из них потом переставали говорить про дом вообще. Вопрос уже вертелся на языке — но тут справа, из тёмной галереи, донёсся звук шагов и приглушённый звон, как будто кто-то шёл в латах и очень старался идти тихо. Марк мгновенно изменился в лице, схватил Соню за рукав и втянул в

нишу между двух колонн, за тяжёлую портьеру, пахнущую пылью и лавандой.

— Тихо, — выдохнул он ей почти в ухо. — Патруль.

Соня замерла. Её сердце колотилось так громко, что она была уверена: его слышно даже за портьерой. Мимо, в трёх шагах, прошли двое — Соня видела только ноги в тёмных сапогах и край плаща, по которому бежали те же голубые знаки, что вспыхивали на стенах, только тусклее, как вышивка. Один из стражей что-то сказал на незнакомом языке — коротко, вопросительно. Второй ответил. Пауза. Соня перестала дышать.

Потом шаги удалились, звон стих за поворотом галереи, и Марк, выждав ещё несколько секунд, отпустил её рукав.

— Повезло, — сказал он.

— А если бы не повезло?

— Тогда ты бы сейчас объясняла им про свой костёр. А я бы объяснял отцу, почему я опять «создаю проблемы». У каждого своя форма развлечений.

— Ты поэтому меня прячешь? Из-за отца?

— Патруль — люди моего отца, — сказал Марк. — Увидят тебя — поднимут шум, составят отчёт, и через десять минут во дворе будет половина совета. Мне этот цирк не нужен. Поэтому ты сейчас молчишь и идёшь за мной. Не из благородства — из расчёта.

Соня посмотрела на него в полутьме ниши. Вблизи он оказался моложе, чем ей показалось на крыше, — её ровесник,

может, на год старше. Но смотрел он на неё без всякого ровеснического тепла: как на досадную помеху, которую надо убрать с дороги, пока не наделала шума. Под глазами у него лежали тени человека, который плохо спит не первую неделю, но сочувствия это у Сони не вызвало. Вызвало ясность: рассчитывать здесь придётся только на себя — и на то, что его расчёты пока совпадают с её выживанием.

В нише было тесно, и от него пахло книгами и озоном — как после грозы, только книгами сильнее. Соня отметила это совершенно некстати и разозлилась: злость на себя на секунду даже перебила страх. Но хуже было другое. Его равнодушие не пугало — пугали патруль, луны и светящаяся рука. Оно задевало. Мелко и обидно, как задевает человек, который смотрит на тебя как на мусор, подлежащий выносу до утра. “Мне не должно быть до этого дела, — подумала Соня. — У меня вообще не должно быть до него дела.”

— Ладно, — сказала она. — Веди. Но учти: если окажется, что ты меня ведёшь в какой-нибудь подвал с цепями, я буду очень громко орать. У меня это, говорят, хорошо получается. Слышно за километр.

— Учту, — сказал Марк. — Идём. И ветку свою не потеряй, вдруг это ваше местное оружие.

— Это, — сказала Соня с достоинством, — мой единственный друг в этом мире. Не оскорбляй его.

Марк ничего не ответил. Только посмотрел на ветку так, будто и она была лишней в его вечере.

До этого дня Соня считала себя человеком практичным. Она не верила в приметы, не читала гороскопы, пересылала цепочки «счастья» исключительно из вредности — не пересылала, наоборот, удаляла, — и всегда смеялась над историями о людях, которые «случайно попали в другой мир». У неё была работа, съёмная квартира с вечно капающим краном, мать, которой нужно было звонить по воскресеньям, и друзья, которые ждали её сейчас у костра с остывающим чаем. Теперь она шла по чужому камню под двумя лунами за незнакомым парнем с самомнением размером с башню и понимала, что у реальности отвратительное чувство юмора. Просто отвратительное. Настолько плохое, что даже Дима со своими шутками про «другой уровень предчувствий» на её фоне выглядел мастером тонкой иронии.

— Скажи, что это розыгрыш, — попросила она, оглядывая двор. Стены двора были высокие, старые, из того же тёмного камня, и по ним, как жилы по мрамору, тянулись тонкие светящиеся линии, которые то вспыхивали, то гасли в каком-то собственном ритме — будто здание дышало во сне. — Где камеры? Где ваши друзья с телефоном? Сейчас кто-нибудь выйдет из-за угла и скажет, что я проиграла спор.

— Если бы это был розыгрыш, — ответил Марк, не оборачиваясь, — его устроил бы кто-нибудь, кому ты интересна. Мне ты не интересна. Ты — проблема, которую надо довести до утра и сдать совету.

— Взаимно, — сказала Соня. — Ты тоже не подарок.

— Тем проще, — сказал Марк. — Меньше разочарований.

Соня поймала себя на том, что смотрит на него. Не слушает — смотрит. На рост: он был выше её на голову, а она терпеть не могла смотреть снизу вверх на людей, которые её раздражают. На голос — низкий, ленивый, будто каждое слово он выдавал по большому одолжению. На тёмные глаза, ни разу не потеплевшие за весь разговор. “Прекрасно, — подумала Соня. — Ты упала в чужой мир, у тебя светится рука, тебя собираются сажать под замок, а твой мозг в этот момент каталогизирует хамоватого парня с крыши. Молодец. Так держать.”

Она хотела ответить чем-нибудь достойным, но тут на стенах двора вспыхнули голубые знаки.

Это произошло беззвучно и оттого особенно страшно. Знаки проступили сквозь камень, как проступают чернила сквозь промокашку: сначала один, у арки, потом второй, потом сразу десяток — по всему периметру двора, на высоте человеческого роста, треугольники, круги и ломаные линии, которых Соня никогда не видела и которые, тем не менее, казались ей смутно, неправильно знакомыми. Воздух сгустился. Соня почувствовала, как он давит на грудь, будто мир на мгновение наклонился к ней, принюхался — и пытается решить, принадлежит ли она ему. От этого взгляда без глаз у неё зачесалось между лопатками.

А потом на её ладони появилась серебряная линия.

Она не болела. Линия проступила изнутри, как проступает вена, — тонкая, светящаяся, она пересекла ладонь от основания большого пальца к запястью и чуть дрогнула, когда Соня сжала руку в кулак. Под кожей словно шевелилась тонкая проволока. Не больно. Хуже. Чуже.

— Марк, — позвала она тише. Намного тише, чем ей хотелось бы. — Это нормально?

Он перестал улыбаться. Впервые с момента её падения — перестал полностью: лицо его изменилось так быстро и так заметно, что Соня поняла — вот теперь ей действительно стоит испугаться, потому что испугался он.

— Нет. Но пока не кричи. Если защита академии тебя заметила, скоро придут стражи.

— Защита? — переспросила она. — Она что, живая?

— В некотором смысле. И у неё очень хорошая память.

Он шагнул к ней — быстрее, чем прежде, без всей своей ленивой грации, — и Соня отшатнулась машинально, но он не к ней тянулся: он смотрел мимо неё, назад, туда, где она упала.

Пока они шли к арке, Соня несколько раз оглянулась. Там, где она упала, камень был целым — огромная плита без единой трещины, по которой ещё минуту назад она каталась, собирая синяки. Однако в его поверхности мерцала едва заметная трещина. Не физическая — плиту она бы не расколола, — а световая: тонкая, как волос, линия чужого света, которая то проявлялась, то исчезала, будто что-то за камнем

дышало в такт её собственному дыханию. И сквозь этот свет — или ей показалось, или она просто очень хотела, чтобы показалось, — ей послышался далёкий шум костра и голос Насти. Такой близкий. Такой невозможный.

— Соня! — звала Настя где-то там, за камнем, за миром. — Соня, ты где?!

Соня рванулась назад.

Марк перехватил её за запястье — резко и совершенно безлично, как перехватывают не человека, а дверь, которую нельзя дать распахнуться. Хват был крепким, и в нём не было ничего, кроме расчёта: удержать, остановить, не дать наделать шума.

— Отпусти!

— Если бросишься туда сейчас, можешь провалиться ещё глубже. Я не знаю, куда ведёт этот разлом.

— А я знаю, куда мне нужно!

— Верю. Но знать, куда хочешь попасть, и знать, как туда добраться, — разные вещи.

Она дёрнулась ещё раз — и остановилась. Не потому, что согласилась. А потому, что трещина в камне прямо у неё на глазах начала закрываться: свет в ней померк, как меркнет вода в луже, когда на неё наступает тень, края сомкнулись — и от голоса Насти не осталось даже эха. Только пустой двор, две луны и её собственное дыхание, громкое в наступившей тишине.

— Она закрылась, — сказала Соня. — Она закрылась,

Марк.

— Вижу.

— И что теперь?

Он не ответил. Он всё ещё смотрел на то место, где только что была трещина, — смотрел так, как смотрят на то, что узнали. И узнали — с ужасом, от которого пальцы сами сжимаются в кулак.

Когда арка закрылась за ними, трещина на камне исчезла окончательно. Соня не заметила, что Марк всё ещё стоит вполоборота и смотрит на место её падения. На миг — на один только миг, пока голубые знаки на стенах гасли один за другим, возвращая двору обычную ночную темноту, — он увидел там знак. Круг, перечёркнутый серебряной чертой.

Тот же символ был выжжен на старом кольце его матери — кольце, которое Марк не видел уже много лет и о котором в его семье не говорили вслух.

Он резко отпустил её запястье — только сейчас сообразив, что всё ещё держит её, — и пошёл вперёд, в темноту коридора, чуть быстрее, чем нужно. Спина у него была напряжена, как у человека, который только что увидел подтверждение худшего и теперь злится: на знак, на отца, на неё. На неё — в первую очередь.

— Идём, — сказал он. — И постарайся больше ничего не трогать.

— Я ничего и не трогала, — сказала Соня ему в спину.

— Вот именно это, — отозвался Марк, — меня и пугает.

А Соня шла за ним в темноту и думала о том, что Настя сейчас, наверное, уже обыскала половину леса, Дима светит фонарём в каждый куст, а чай в котелке давно остыл. Эта мысль — про остывший чай, про обычный, сердитый, любящий её мир — держала её крепче, чем страх. Она не знала ещё, что именно эта мысль будет держать её очень долго.

И тем обиднее было, что рядом с этими мыслями — про костёр, про чай, про дом — упрямо держался его голос. «Все так говорят в первую ночь». «Ты — проблема, которую надо сдать совету». «Ненавижу его, — подумала Соня. — Уже. Это рекорд. Обычно мне на это нужна хотя бы неделя.»

Глава 2. Здание, которое её узнало

Марк Мэтри вёл её узкими коридорами. Соня старалась не отставать.

Коридоры Императорской академии не были похожи ни на школьные, ни на университетские, ни вообще на коридоры, построенные для людей с нормальной ориентацией в пространстве. Они поворачивали там, где должны были идти прямо, и шли прямо там, где всякий здравый смысл требовал поворота. Лестницы начинались из ниоткуда и заканчивались площадками, с которых открывались двери в три разные стороны, и Марк каждый раз выбирал нужную, не задумываясь, — как выбирают дорогу в собственном доме, ночью, на ощупь. Стены были облицованы тёмным деревом и камнем попеременно, а вдоль плинтусов, если это можно бы-

ло назвать плинтусами, тянулась всё та же тонкая светящаяся жила, только здесь она была ровной и спокойной, как хорошо натянутая струна.

— У вас тут что, архитектор был пьяный? — не выдержала Соня после третьего поворота, который вывел их, кажется, в тот же самый коридор, только этажом выше — или ниже, она уже не бралась судить.

— Архитектор был гений, — сказал Марк. — Это разные вещи, хотя издалека не отличить. Академию строили вокруг переходов, а переходы не любят прямых линий. Привыкай смотреть не на коридор, а на знаки.

— Какие знаки?

— Вот эти, — он, не останавливаясь, ткнул пальцем в небольшую серебряную стрелку над дверью, которую Соня приняла бы за украшение. — Они показывают, куда коридор ведёт сегодня.

— Сегодня?!

— Иногда он меняет мнение.

Соня решила, что это шутка. Потом посмотрела на лицо Марка, не нашла на нём и следа шутки и решила, что подумает об этом завтра. Завтра вообще обещало стать днём великих размышлений: у неё уже набрался приличный список.

Шли они быстро, и Соне приходилось почти бежать, чтобы не отставать. Куртка её была мокрой от лесной сырости, ботинки оставляли на чистом камне грязные следы, и каждый такой след казался ей личным оскорблением этого ме-

ста — места, которое, впрочем, само её сюда притащило, так что пусть не жалуется.

— Ты всегда такой дружелюбный с новыми людьми? — спросила она, чтобы чем-то заполнить гулкую тишину коридоров и собственный страх, который поднимался тем выше, чем дальше они уходили от двора и закрывшейся трещины.

— Только с теми, кто падает мне на голову посреди ночи и начинает материться. Обычно я ещё хуже. Считай, тебе повезло.

— Утешил. Прямо камень с души.

Он обернулся через плечо — с тем же ровным, ничуть не потеплевшим выражением, что и в нише за портьерой.

— Не обольщайся. Я тебя не спасаю. Просто не хочу, чтобы отец потом три часа орал, что я опять «создаю проблемы для репутации семьи». Ты — ходячая проблема для репутации. Моя задача — довести тебя до совета с минимальным шумом. Всё.

— Утешил, — сказала Соня. — Прямо камень с души.

— Не входило в задачу, — сказал Марк и ускорил шаг.

Коридор вывел их вниз по короткой лестнице, потом в галерею с окнами во внутренний сад — сад ночью светился сам по себе, мягким зеленоватым светом, и Соня на ходу увидела цветы, которых не бывает: крупные, закрытые, с лепестками как из дымчатого стекла. Потом галерея кончилась тяжёлой дверью, Марк толкнул её плечом — и они вышли в небольшой дворик.

Дворик был совсем другой, чем главный: тихий, почти домашний, с колодцем посередине и скамьями вдоль стен. Над колодцем висела одна-единственная светящаяся сфера и неспешно покачивалась, хотя ветра не было. А у колодца стояли двое.

Высокий мужчина — первое, что подумала Соня, было «не человек», и мысль эта пришла раньше всякого страха, просто как констатация, как замечаешь, что у незнакомца зелёные глаза или шрам через бровь. Он был высок, строен и неподвижен той неподвижностью, которая бывает у очень сильных людей и у очень старых деревьев. Волосы чёрные, без единой седой нити, хотя лицу его — молодому и неподвижному — никак нельзя было дать настоящий возраст. А глаза — серые, но в сером этом вспыхивали золотые прожилки, как вспыхивают угли, если на них подуть. Он смотрел на Соню без любопытства и без враждебности — с вниманием, от которого ей захотелось немедленно проверить, на месте ли у неё лицо.

Рядом с ним стояла девушка примерно Сониного возраста. Тёмные волосы собраны в хвост, на плечах — накидка, какую носят студенты, только поношенная, настоящая, а не парадная. И лицо у неё было — Соня поняла это не сразу, а через секунду, когда девушка шагнула к свету, — своё. Земное. Обычное. С веснушками. Лицо человека, который тоже когда-то стоял вот так посреди чужого двора и считал луны.

— Магистр Кайрон Вальд, — коротко кивнул Марк высо-

кому. — Хранитель границы. И Валерия Хрусталёва — архив академии, наша местная знаменитость. А это — Соня, если я правильно расслышал, когда она материлась в грязи.

— Я не материлась в грязи, — автоматически сказала Соня. — Я материлась рядом с грязью. Это принципиальная разница.

— Запишу в протокол, — сказал Марк.

Лера шагнула вперёд. Она не протянула руку — и Соня была ей за это благодарна, потому что рукопожатие сейчас означало бы, что всё в порядке, а в порядке не было решительно ничего.

— Ты из нашего мира, — сказала Лера. Это был не вопрос. В голосе её звучало что-то, отчего у Сони вдруг защипало в носу: так говорят люди, встретившие земляка в чужой стране после долгих лет, — с жадностью и с осторожностью одновременно.

— Из Питера, — сказала Соня. — Была в лесу с друзьями. Упала в какую-то дыру. Теперь здесь. Можно как-то короче и без «нашей местной знаменитости»?

— Можно, — сказала Лера. — Извини. Это у них тут чувство юмора такое. Марк его главный поставщик.

— Единственный, — уточнил Марк. — Остальные шутят только в отчётах.

Кайрон чуть наклонил голову. Движение было маленьким, а эффект — как от смены погоды.

— Нить нестабильна, — произнёс он. Голос у него ока-

зался низким и ровным, без всякой театральности, и от этого каждое слово весило вдвое больше. — Разлом был рваный. Вернуть тебя сразу не получится. Пока останешься здесь. Под наблюдением.

Соня посмотрела на него. Потом на Леру. Потом на Марка, который вдруг очень заинтересовался колодцем.

— Чьим именно? — спросила она. — Наблюдением.

— Моим и Леры. И совета. Особенно совета.

Марк тихо хмыкнул.

— Особенно моего отца. Он уже наверняка знает. Кто-то из дежурных успел доложить. Он такие новости любит получать ночью. Потом весь день ходит злой и ищет, на ком сорваться.

— Марк, — сказала Лера. В голосе её не было укора — скорее привычка человека, который уже много раз произносил это имя именно этим тоном.

— Что? Я просто ввожу её в курс дела. У нас тут принято знакомить гостей с главными достопримечательностями. Вот колодец. Вот Кайрон. Вот мой отец, мысленно уже составляющий протокол.

Лера посмотрела на него внимательнее.

— Ты её нашёл?

— Она сама нашла крышу, на которой я сидел и пытался не думать о жизни. Я просто не дал ей сразу нарваться на патруль. Хотя, может, и зря. Было бы веселее.

Соня скрестила руки. Её начало потряхивать — не то

от холода, не то от всего сразу, — и она скрестила руки в первую очередь для того, чтобы этого никто не заметил.

— Я вообще-то ещё здесь. И я не просила, чтобы меня «не давали нарваться».

Марк посмотрел на неё с чистым раздражением.

— Тогда в следующий раз падай где-нибудь в другом месте. Например, сразу в кабинет моего отца. Ему будет очень интересно послушать про твой лес и костёр.

— А ты всегда такой? — спросила Соня. — Или это мне персональная программа, как особенно шумной гостье?

— Он всегда такой, — сказала Лера. — С годами не лучше.

Марк не удостоил это замечание ответом.

Кайрон поднял руку. Всего лишь поднял руку, не повышая голоса, — и разговор смолк сам, как смолкали разговоры в её школе, когда в класс входил директор. У Сони это вызвало одновременно уважение и жгучее желание никогда не оказываться на месте тех, на кого эта рука однажды опустится.

— Хватит. Соня, идём. Тебе нужно место, где переночевать, и разговор с советом утром. Марк, ты тоже. Отец уже спрашивал, где ты.

Марк закатил глаза.

— Конечно спрашивал. Он всегда спрашивает, когда я пытаюсь просто посидеть в тишине.

— Он спрашивает, — ровно сказал Кайрон, — потому что

крыша южной башни не место для ночных дежурств, а ты в очередной раз поменял своё дежурство на чужое уединение.

— Я не менял. Я творчески переосмыслил.

— Вот это, — сказал Кайрон, — ты ему завтра и объяснишь.

Они пошли обратно в здание, но другой дорогой: Кайрон впереди, Лера рядом с Соней, Марк — на шаг позади, и Соня спиной чувствовала его присутствие, как чувствуют человека на лестничной клетке ночью. Ей было не по себе не от него — от всего: от двора с колодцем, от золотых прожилок в глазах Кайрона, от того, что Лера сказала «ты из нашего мира» так, будто «наш мир» — это диагноз, который ставят нечасто и не всем.

— Давно ты здесь? — тихо спросила Соня, когда они поднимались по широкой лестнице с истертыми ступенями.

— Достаточно, — сказала Лера. — Достаточно, чтобы перестать считать дни. Ты тоже перестанешь. Не потому, что сдашься. А потому, что начнёшь считать другое.

— Что, например?

— Людей, которым можно доверять. Их считают медленнее, но точнее.

Соня посмотрела на неё сбоку. Лера не улыбалась. Она вообще, кажется, улыбалась редко и по делу — и от этого её редкие слова весили больше, чем вся язвительная болтовня Марка, хотя и болтовня эта, как успела понять Соня, тоже была своего рода бронёй.

* * *

Гостевое крыло оказалось похоже на старый университет, если бы его проектировал человек, который ненавидел прямые коридоры. Лестницы меняли направление на полпути, будто передумав. Двери появлялись в стенах без предупреждения — Соня готова была поклясться, что вот этой двери, с медной ручкой в виде сложенного крыла, секунду назад не было, а теперь она была и даже слегка приоткрыта, словно подслушивала. А светящиеся сферы следовали за Соней по пятам: стоило ей отстать от остальных, как одна из сфер, висевших под потолком, плавно опускалась ниже и зависала у неё над плечом, тёплая, любопытная, как уличный кот.

— Они всегда так пялятся? — спросила она.

— Только на новеньких, — ответил Марк.

— Я не новенькая. Я вообще не собиралась сюда поступать.

— Передай это сфере. Она выглядит разочарованной.

Сфера, словно услышав, чуть качнулась. Соня решила считать это совпадением. У неё сегодня был лимит на чудеса, и она его давно перебрала.

Комната, которую ей отвели, оказалась неожиданно человеческой: узкая кровать с тёмным покрывалом, стол, кресло, окно с видом на тот самый сад, что светился сам по себе, и — Соня не поверила своим глазам — умывальник с краном. Кран был медный, в виде какого-то длинношеего зверя, но это был кран, и из него, когда она осторожно его повернула,

пошла вода. Обычная. Холодная. Соня подставила ладони, умылась, смыла с лица лесную грязь и чужую пыль и только тут поняла, как сильно у неё дрожат руки. Она сжала край умывальника и постояла так, глядя на своё отражение в маленьком зеркале над ним. Отражение было её: растрёпанное, бледное, с царапиной на щеке, о которой она и не знала. На ладони, под кожей, тонко светилась серебряная линия. Соня потёрла её пальцем. Линия не стиралась.

— Отлично, — сказала она отражению. — Просто отлично. Мама будет в восторге.

Лера принесла ей чистую одежду и кружку горячего настоя. Одежда оказалась мягкой, тёмной, безразмерной в том утешительном смысле, в каком бывает безразмерна одежда для больных и гостей, — и пахла она лавандой и тем самым сладковатым библиотечным запахом, который Соня уже успела возненавидеть и полюбить одновременно. Настой в кружке был тёмный, почти как чай, и от него поднимался пар с запахом трав и чего-то цитрусового.

— На вкус как чай? — спросила Соня, грея о кружку замёрзшие пальцы.

— В основном.

— А в остальном?

— В остальном он может показать самый сильный страх человека.

Соня отодвинула кружку.

— И ты решила предупредить меня после того, как при-

несла?

— Я хотела посмотреть, насколько ты доверчива.

— И как?

— Ты не выпила. Значит, выживешь.

Соня посмотрела на неё долго. Потом, неожиданно для самой себя, усмехнулась — первой настоящей усмешкой за эту ночь.

— У вас тут все такие заботливые? Или это входит в программу наблюдения?

— Это входит в мой личный опыт, — сказала Лера и села в кресло, поджав под себя ногу, совсем по-земному, и от этого простого жеста у Сони опять защипало в носу. — Когда я сюда попала, мне эту кружку подали без предупреждений. Я выпила. Всю.

— И?

— И полночи видела, как горит мой дом, а я стою и не могу сдвинуться. — Лера помолчала. — Утром мне сказали, что это «помогает адаптации». Что страх, который ты видел, перестаёт прятаться. Может, и правда перестаёт. Только я с тех пор предупреждаю. Всех. Даже тех, кто мне не нравится. Ты мне, кстати, нравишься.

— Я тебе нравлюсь уже минут десять как, — заметила Соня.

— Мне хватает. Я быстро составляю мнение и редко его меняю.

Они помолчали. За окном сад светился и дышал, и где-то

в глубине академии глухо пробило — не часы, а тот самый металлический звук, который Соня слышала во дворе. Лера подняла голову, прислушалась — и Соня поняла, что звук этот поздний, неправильный, не по расписанию даже здесь.

Потом Лера рассказала — не всё, коротко, как рассказывают о себе люди, которые научились дозировать правду, чтобы она не задавила слушателя. Она тоже пришла из другого мира. Не из Питера — из Москвы: Арбат, метро «Сокол», должность младшего аналитика в конторе, чьё название она произнесла так, будто оно уже не имело к ней отношения. Прошла не одна осень — около трёх осеней назад. И за эти три года успела стать здесь своей — работала в архиве академии и жила вместе с Кайроном, и в академии это давно считали решённым делом.

— Совет сначала обещал мне помочь, — сказала она. — Потом начал задавать вопросы, потом составлять отчёты, а потом решил, что я слишком опасна, чтобы отпускать меня без наблюдения.

— И ты согласилась?

— Я согласилась на уроки. Не на клетку. Иногда разница держится на одном слове.

Соня впервые посмотрела на неё не как на проводника, а как на человека, который действительно понимает её страх. Не сочувствует из вежливости, не успокаивает из долга — понимает. Изнутри. Как понимают друг друга люди, пережившие одну и ту же аварию, пожар, войну.

— Скажи честно, — попросила Соня. — Отсюда возвращаются?

Лера долго смотрела в окно, на светящийся сад.

— Честно — я не встретила никого, — сказала она наконец. — Я первая кто сюда попал, и я не ушла сама, добровольно я осталась.

— Очень обнадёживает.

— Я не умею обнадёживать враньём. Привычка здешняя. Тут враньё вообще плохо держится — магия его не любит. — Она встала. — Спи. Утром будет совет, будет много вопросов и мало ответов. Тебе понадобятся силы и твоё фирменное хамство. Я видела, как ты разговариваешь с Марком. Не растеряй.

— Это был комплимент?

— Это был совет, — сказала Лера и вышла, прикрыв за собой дверь, которой, Соня могла поклясться, ещё минуту назад в этой стене не было.

* * *

Соня не спала.

Она честно пыталась. Легла, натянула покрывало до подбородка, закрыла глаза и стала слушать академию — а академия, как выяснилось, ночью не спала тоже. Где-то капала вода, размеренно и терпеливо. Где-то далеко, этажом ниже или выше, кто-то играл на чём-то струнном — или это пели сами стены, она уже ничему не удивлялась. Сфера, приставленная к ней, как персональный надзиратель, погасла и

висела в углу тёмным шаром, но Соня всё равно чувствовала, что за ней наблюдают, — если не сфера, то само здание, каменное, старое, с голубой вышивкой знаков на стенах и очень хорошей памятью, как сказал Марк.

Она думала о Насте. О том, что Настя сейчас наверняка звонит ей на телефон, который остался лежать у костра, и телефон звонит в пустом лесу, и от этого звонка, может быть, прямо сейчас с ветки падает какая-нибудь ни в чём не виноватая птица. Думала о Диме, который будет шутить ещё час, а потом перестанет, и это будет страшнее всего. Думала о матери, которой надо звонить по воскресеньям, а сегодня как раз было воскресенье — или уже понедельник, она запуталась, и от этой простой, бытовой запутанности на неё вдруг накатило такое отчаяние, что она села на кровати и обхватила колени руками.

— Так, — сказала она себе шёпотом. — Плакать будешь завтра. По расписанию. После совета. Сейчас спи.

Спать не получалось ещё и потому, что в голове крутились чужие фразы. Не Кайрона, не Лерины — Марковы. «Не обольщайся. Я тебя не спасаю». «Не входило в задачу». Соня переворачивалась с боку на бок и придумывала ответы — колкие и точные, от которых он наконец перестал бы смотреть на неё как на помеху в своём вечере. “Ты в другом мире, — сказала она себе. — Утром тебя будет допрашивать совет. А ты репетируешь перепалку с сыном местного начальника. Гордись собой.” Но его слова засели — а Настя всегда гово-

рила: забывают тех, кто не задел. Марк Мэтри задел. И это бесило сильнее всего остального, вместе взятого.

И тут за стеной раздался глухой удар.

Не громкий — глубокий. Как будто где-то в толще здания, в самой его каменной утробе, что-то огромное сдвинулось с места и ударилось о что-то ещё более огромное. Пол под кроватью едва заметно дрогнул, кровать скрипнула, кружка на столе звякнула о блюдце. Потом стало очень тихо — той особенной тишиной, которая бывает сразу после удара, когда весь мир затаил дыхание и ждёт, будет ли второй.

Соня вскочила. В темноте она нашарила на стуле одежду Леры и натянула её прямо поверх ночной рубашки, которую ей выдали вместе с комнатой. Руки не слушались. Серебряная линия на ладони в темноте светилась ярче, чем днём, — тонкая, как нить накаливания, — и Соня, глядя на неё, с ужасом поняла, что линия отзывается на что-то за стеной: пульсирует. В такт. Как второе сердце, которое бьётся не в ней, а где-то в глубине здания, и её собственное — маленькое, серебряное — просто подхватило ритм.

Дверь — та самая, которой не было, — приоткрылась сама.

— Это часть программы гостеприимства? — спросила Соня, когда Марк появился у двери.

Он стоял на пороге без накидки, в рубашке, с взъерошенными волосами, и на этот раз в нём не было ничего от ленивого насмешника с крыши. Он был собран, как человек, ко-

торый проснулся от первого же звука и уже успел всё понять — или всё испугаться, что в его случае выглядело примерно одинаково.

— Если бы, — сказал он. — Не выходи из комнаты.

— Ты только что сказал мне, что я под наблюдением. Я не собираюсь сидеть в темноте и ждать, пока стены начнут разговаривать.

— Стены здесь разговаривают редко.

Она прошла мимо него в коридор. Коридор был тёмен, только знаки на стенах тлели тускло, как угли в золе, и по ним, от дальнего конца к ближнему, пробегала волна света — словно здание что-то вспоминало, передавая воспоминание от камня к камню. Марк выругался вполголоса и пошёл за ней.

— Упрямая, — сказал он.

— Практичная. У нас в лесу, когда ночью что-то стучит, принято выходить и смотреть, а не ждать, пока оно само зайдёт в палатку.

— У вас в лесу, — сказал Марк, — не живут восемьсот лет и не помнят всех, кто когда-либо падал с неба.

— А тут живут?

— Тут — да.

На лестнице они встретили Кайрона. Он поднимался им навстречу — быстро, беззвучно, и темнота вокруг него не казалась ему помехой. В руках он держал металлическую пластину — размером с ладонь, тяжёлую на вид, покрытую све-

жими трещинами. Трещины светились тем же серебром, что и линия на Сониной ладони, и гасли прямо на глазах, остывая, как остывает раскалённый металл.

Соня остановилась.

— Это что?

— Ядро сторожевого знака северной лестницы, — сказал Кайрон. — Было.

— Было?

— Оно треснуло само. Без удара, без заклинания, без приказа. — Он перевёл взгляд на Соню, и золотые прожилки в его серых глазах вспыхнули так, что она впервые за ночь испугалась по-настоящему — не здания, не двух лун, а того, что стоит за этим взглядом: взрослого, древнего понимания, в котором ей, Соне, отводилось место, о котором она ещё ничего не знала. — Старое крыло активировалось, — сообщил он. — И это произошло в тот момент, когда Соня вошла в академию.

— Вы хотите сказать, что я разбудила здание? — спросила Соня.

— Я хочу сказать, что здание узнало тебя. А это куда хуже.

Тонкая жила света в полу лестницы вспыхнула в последний раз и погасла. Где-то очень глубоко, под камнем, под землёй, под самой академией, что-то — Соня так и не смогла бы потом объяснить, что именно, — вздохнуло и затаилось. Как затаивается зверь, который не собирается нападать. Который собирается ждать.

Марк стоял рядом и молчал. И Соня, глядя на его молчание, поняла вдруг простую вещь: сегодняшний день — лес, костёр, её прежняя жизнь — закончился окончательно. Не когда она упала. Не когда увидела две луны. А сейчас. Потому что дом, в который она попала, оказывается, ждал её.

— Ладно, — сказала она, и голос её дрогнул только на первом слове. — Разбудила так разбудила. Что теперь будем делать?

— Теперь, — сказал Кайрон, опуская треснувшую пластину в карман, — мы все пойдём спать. А утром совет будет задавать тебе вопросы. И я очень советую тебе, Соня, отвечать на них правду. Всю. Даже ту, в которую ты сама ещё не веришь.

Он развернулся и стал спускаться — туда, в темноту, из которой поднялся. — Дальше сама, — сказал Марк, остановившись на лестничной площадке и не сделав ни шага к её двери. — Дверь — та, которой нет. Откроется, если нажать на ручку и подождать. Не откроется — стучи и жди дежурных. По коридорам ночью не броди.

— А если заблужусь? — спросила Соня.

— Тогда ищи дежурных. Не меня. Свой долг на сегодня я выполнил.

— И какой же это долг?

— Ты не в камере и не в отчёте патруля, — сказал Марк. — Считай, что это много. Спокойной ночи. Хотя спокойной она не будет.

И он ушёл вниз по лестнице — быстро и не оборачиваясь, как человек, который закрыл последнее на сегодня дело.

Марк спустился на два пролёта — и остановился. Сам не понял зачем. Проблема была сдана: Кайрону, совету, утру. Можно было идти спать с чистой совестью человека, выполнившего долг. Он честно объяснял себе задержку знаком на камне и кольцом матери: риск, разлом, семейная тайна — уважительные причины. Из головы при этом не выходило другое: её лицо в момент, когда трещина закрылась. Не страх — злое, собранное понимание, что её жизнь только что кончилась. “Могла бы и разреветься, — подумал Марк с необъяснимым раздражением. — Было бы проще.” И пошёл вниз — быстро, злясь на неё за то, что она ему эту ночь не упростила.

Соня дошла до своей двери одна. Дверь, которой не было, открылась — медленно, словно и она ещё не решила, признавать ли новую хозяйку.

А за их спинами, в темноте северной лестницы, на камне, где только что остыла треснувшая пластина, медленно проступал знак — круг, перечёркнутый серебряной чертой. Проступал и гас. Проступал и гас. Как будто здание во сне повторяло одно и то же слово и никак не могло вспомнить его до конца.

Глава 3. Книга размыкателей

Соня проснулась от того, что кто-то вежливо, но настой-

чиво стучал в дверь.

Вежливость в этом мире, как она успела заметить ещё ночью, была понятием растяжимым. Стук повторился. Потом ещё раз. Потом дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щель просунулась рука со сложенной одеждой, и незнакомый голос сообщил:

— Совет соберётся через полчаса. Вас ждут.

— Совет мог бы подождать, пока я хотя бы вспомню, в каком мире нахожусь, — пробормотала Соня, садясь на кровати.

Дверь закрылась. Вежливость, очевидно, тоже решила не задерживаться.

Комната в гостевом крыле за ночь не стала уютнее. Высокий потолок терялся в полумраке. Узкое окно, забранное витражом из синего и серебряного стекла, пропускало свет двух лун — одна уже бледнела, вторая ещё держалась на тёмном небе, как будто не могла решить, утро сейчас или всё-таки нет. Сферы-светильники, которые вчера вечером следовали за Соней по коридору, теперь висели у стены неподвижно, но стоило ей спустить ноги с кровати, как одна из них ожила и подлетела ближе.

— Ты тоже будешь пялиться? — спросила Соня. — У меня сегодня насыщенная программа. Совещание, допрос, возможно, публичное сожжение. Выбирай, что интереснее.

Сфера, разумеется, не ответила. Но свет её стал чуть теплее, и Соня решила считать это сочувствием.

Одежда, которую ей принесли, оказалась местной: длинная тёмная туника, брюки из плотной ткани и ботинки, удивительно точно севшие по ноге. Свои джинсы, мокрые и грязные после леса под Выборгом, лежали на стуле, и от одного взгляда на них у Сони сжалось горло. Джинсы. Монетка. Крошки от батончика, который она собиралась съесть у костра. Вся её прежняя жизнь умещалась сейчас на одном стуле, и это было почему-то страшнее двух лун.

Она умылась холодной водой из медного таза, кое-как пригладила волосы и посмотрела на ладонь.

Серебряная линия никуда не делась. За ночь она стала, кажется, даже чётче: тонкая, как трещина на фарфоре, она пересекала ладонь от основания указательного пальца к запястью. Под кожей по-прежнему что-то едва заметно шевелилось, словно там, внутри, кто-то натянул проволоку и теперь проверял её на прочность.

— Отлично, — сказала Соня своему отражению в тёмном стекле окна. — Только светящейся ладони мне и не хватало для полного комплекта попаданки.

Отражение ничего не ответило, но Соня могла бы поклясться, что на долю секунды женщина в стекле выглядела старше её самой и смотрела с каким-то странным, почти виноватым сожалением. Соня моргнула — и снова увидела только себя: бледную, растрёпанную, злую от недосыпа и страха.

Страх она, впрочем, собиралась прятать до последнего.

Страх в её семье не запрещали — мама, медсестра в районной больнице, всегда говорила: «Бояться не стыдно, Сонь. Стыдно делать вид, что тебе всё равно, когда кому-то рядом хуже». Но сейчас рядом не было мамы. Были совет, глава совета и Марк с его вечной ухмылкой. И Соня решила, что этим людям свой страх она не покажет. Пусть думают, что она просто наглая. Наглость здесь, кажется, уважали больше.

В коридоре её ждали Марк и Лера.

Марк выглядел так, будто не спал вообще, но ему это, в отличие от Сони, шло: тёмные круги под глазами делали его старше и как-то опаснее. Лера, напротив, была собрана, свежа и одета так, словно совет — это обычное утреннее занятие вроде завтрака.

— Ты опоздала, — сообщил Марк вместо приветствия.

— Я спала в другом мире меньше суток назад. У меня джетлаг на две вселенные.

— Скажи это отцу. Он обожает оправдания. Особенно с юмором. Особенно от людей, которые падают с неба.

— Марк, — сказала Лера ровным голосом, в котором, однако, отчётливо слышалось предупреждение.

— Что? Я поддерживаю. Говорят, перед казнью важно, чтобы осуждённый был в хорошем настроении.

— Спасибо, — сказала Соня. — Ты случайно не хочешь быть моим адвокатом?

— Хочу. Но у меня нет лицензии, а у тебя нет шансов, так что мы квиты.

Они пошли по коридорам академии, и академия, видимо, решила показать себя во всей красе именно в это утро. Лестница, по которой они спускались, на полпути передумала и повела их не вниз, а вдоль галереи, где в нишах стояли статуи людей в мантиях. У одной статуи не было лица — вместо него гладкий камень, и Соня невольно замедлила шаг.

— Не смотри на неё долго, — сказала Лера. — Это первый ректор. Говорят, он отдал лицо за знание.

— Метафорически?

— Здесь редко что-то бывает метафорически.

— Утешила.

Портреты на стенах следили за ними взглядами — не метафорически, а вполне буквально: глаза на холстах поворачивались, когда Соня проходила мимо. Один пожилой маг на портрете приподнял бровь. Другой, помоложе, что-то записал в блокнот, который держал в нарисованной руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.